

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Моя маленькая чистая девочка

— Откройся, разведи ножки, да, вот так хорошо.

Она закусила губу, когда он начал шевелить там пальцами.

— Уже мокренькая, — заметил он довольно. — Ещё шире, милая, ну давай.

Палец закружил по влажным горячим складочкам, и у неё закружилась голова. Потолок и углы комнаты потерялись в полумраке, внутри стало жарко, а по спине побежал озноб.

— Хорошо, хорошо. Вот так, откинь голову ещё дальше.

Поцелуи в шею и у ключиц вызвали дрожь. Правую грудь сдавила его рука, и с губ сорвался жалобный стон, пусть она и обещала вести себя тихо, как мышка. Но разве у неё могло получиться? Тем более что палец ни на мгновение не переставал ласкать и гладить — не проникая, а только поддразнивая.

Ей подумалось вдруг, что на крышку стола уже должна была натечь целая лужица, а уж его ладонь так точно мокрая по запястью. Ох!

— Да, вот так, моя хорошая, — пробормотал он, отрываясь от смятого, изласканного рта. — А теперь ножки шире.

Она послушно попыталась выполнить его просьбу, но юбка помешала. Он хмыкнул, проведя влажными пальцами по её бедру, царапнул кожу ногтем, и — наконец-то! — потянул юбку вверх.

Так стыдно, так жарко — она отвернула горящее лицо. Всё это надо было бы прекратить, но блузка уже расстёгнута, чашечки бюстгалтера стянуты вниз и ещё сильнее жмут вверх груди, гордо торчат соски — сжавшиеся, мокрые от поцелуев и набухшие от самых настоящих укусов — и ноют, ноют; Юбка гармошкой поднята до талии, ноги без чулок широко разведены, а трусики; О, они где-то в темноте и пыли, где-то там, куда, смеясь, он их отбросил.

— Ты так мило смущаешься, детка.

Она вновь улыбнулась, а когда звякнула пряжка его ремня, отвела взгляд. Внутри всё сжалось от предвкушения.

Ей так хотелось, чтобы он сказал: «Оближи! Возьми его в рот, крошка!», а она бы потупилась и лишь после долгих уговоров слабым голосом бы ответила: «Нет, нет, я не могу!», а он тогда схватил бы её за волосы, бросил на пол и, жёстко подняв за подбородок, не глядя на её слёзы, прижал бы горячую головку члена к губам и приказал: «Соси, сучка!».

— Да ты, малыш, вся течёшь. Что, так меня хочешь?

О да, она хотела. Она так отчаянно хотела, чтобы он нагнул её и без прелюдий вставил — резко, как настоящий варвар. Она хотела чувствовать крепкий член, проникающий в неё в бешеном ритме, слушать и ощущать, как при каждом толчке о её промежность шлепаются крупные яйца. Она хотела, чтобы он рычал, чтобы выкручивал руки и груди, чтобы подхватил под бёдра и любил её на весу. Она хотела траха, грубого животного траха, и чтобы он с ней был не мужчиной, а жадным бесстыдным самцом.

Он раскатал по члену резинку. Это правильно, она была, конечно, не против, вот только в мечтах её ебал тот, кто о такой ерунде ни за что бы не вспомнил. Взял бы её сразу: сорвал одежду и в путь. А она орала бы от восторга, грудью проезжаясь по постели, жёсткому полу или крышке стола, и ей было бы ничуть не больно, а только невъебенно хорошо и прекрасно.

Когда он опустился вниз, чтобы приласкать её языком, она нахмурилась. Нет, это совершенно не то, что ей бы хотелось.

«Ну же, поставь меня на колени, прикажи отсосать! Будь жестоким, будь мужчиной!» — думала она, пока он дарил ей изысканную интимную ласку. И хотя она стонала и выгибалась, отвечая на нежные движения языка, — хотела-то совершенно другого.

или других. Пусть пока этот ласкал бы, то другой засадил бы ей в рот и трахал жёстко, до слёз, пропихивая свою дубинку в самое горло. Тянул бы за волосы и называл грязной сучкой. А первый всё так же нежно гладил и осторожно толкался внутрь пальцем, когда ей до жути хотелось в себя большой член.

или даже два.

Она всхлипнула, закусив ребро ладони, сдержала крик. В её голове её ебли двое. Не до разрывов, конечно, но жёстко. Мяли тело, кусали, оставляли засосы. Говорили ей скабрёзности, называли похотливой шлюшкой; и она соглашалась — ведь это правда. Она такая и есть. Она — настоящая шлюшка. Ведь ей так хочется, так хочется, о-о-о; — Ах ты моя нежная девочка. Ах ты моя сладкая.

Его голос вырвал её из восхитительно жаркой мечты.

Он потянулся к ней, чтобы поцеловать. На вкус поцелуй оказался немножко странный. Ей хотелось бы посолоней и больше горечи на языке. И потвёрже, да, такой горячий и большой, чтобы вкусно растягивал губы.

Ну наконец-то он закинул её ноги на плечи и начал толкаться внутрь.

Она быстро задышала, чувствуя плавающий тело жар. Внутри сё дрожало, и сердце от волнения сжималось — ух как сладко. И кружилась голова.

— Сейчас будет немножко больно, — прошептал он и слегка прикусил мочку уха.

Ох, да разве это укусы?.. Разве это — боль?

Она вскрикнула, и он поймал её крик поцелуем. Она застонала, играя — если ему понравится, то, может, ещё удастся превратить его в жаждущего самца?

Не удалось. Он двигался размеренно и осторожно, иногда мял груди — слишком нежно, мягко целовал губы и шею.

Она постанывала, поглядывая на него из-под ресниц. Ей было немножко больно и больше чем хорошо.

Но хотелось больше. Двоих таких, как он. И, может быть, хлыст и верёвки.

Наручники; Да, именно — чтоб приковали к кровати, надели на глаза повязку и пустили в ход члены.

Она застонала в голос, представляя себя связанной и удовлетворённой тремя членами разом — один во рту, другой — в попе, третий — самый большой — там, где сейчас неприятно тянуло и жгло. До чего ж здорово заниматься любовью! Так клёво слушать хриплые стоны, видеть, как ему с ней хорошо;

— В следующий раз больно не будет.

Она знала — столько читала, столько смотрела, да и девчонки говорили не раз.

Он вышел из неё, придержав рукой презерватив. Уже кончил?

Она с любопытством поглядывала на то, как он снимает. Не слишком-то это красиво. Ей бы хотелось иного — вот нет чтоб обкончать ей всё лицо, а потом, не дав утереться, заставить вылизывать член.

Вместо этого он наклонился, чтобы вылизать её. Сейчас его ласки показались даже

неприятными, да и так давно хотелось свести ноги. Но она сказала себе: нужно терпеть. Ведь первый мужчина — это так важно. И, ну вдруг, ей захочется с ним повторить?

Они долго целовались на прощанье. Она опустила руку на его ширинку, старательно погладила кончиками пальцев, но у него больше не встало. А ей бы так хотелось воплотить в жизнь хотя бы одну из фантазий: она на коленях, его рука в волосах, дёргает, шлепок по щеке уже влажной головкой, и требовательное: «Возьми его в рот, маленькая грязная шлюшка».

— Моя маленькая чистая девочка, — шептал он между поцелуями и гладил её лицо. — Ты прекрасна.

— Я люблю тебя, — столь же искренне отвечала она.

Она ещё раз огладила на себе одежду, поправила пояс юбки, чтобы швы легли ровно по бёдрам. Затем подняла с пола сумку с тетрадями — пора уходить.

Он открыл дверь подсобки. В кабинете оказалось темно, только светила вода в аквариуме и блестела искусственным глазом сова, прибитая к насесту над классной доской.

Уже у двери он догнал её, обнял за плечи, поцеловал в лоб. А она думала, что для первого раза всё прошло очень даже неплохо. Не зря же так часто пишут, что лучше выбирать мужчин постарше. С Кузьминым из параллельного «Б» можно и через пару дней замутить. До выпускного они всё успеют.

Подойдя к лестнице, она оглянулась через плечо. Алексей Николаевич всё ещё стоял в дверях кабинета: поймав её взгляд, он робко улыбнулся. Вот дурачок.

И всё же, всё же — Да, Кузьмин пусть подождёт. Пока она Алексея Николаевича любит. Она кивнула своим мыслям и решительно зашагала вниз по ступеням.